

Цена — три миллиарда лет

книга восьмая

Эдвард Сиборн

Эдвард Сиборн

ЦЕНА – ТРИ МИЛЛИАРДА ЛЕТ Книга восьмая

<https://litres.ru/74594637>

SelfPub; 2026

Аннотация

Девятнадцатую точку они нашли за три секунды. Проблему за четыре.

Камень, который должен был светиться, мёртв. Кто-то погасил его намеренно, аккуратно, так, чтобы снаружи почти ничего не было заметно. И не его одного: из восемнадцати активированных точек шесть уже молчат. Кто-то идёт по их следу и гасит всё, что они зажигают.

Сканеры показывают пустоту. Но Арне, дочери Евы и Чиро, которой вот-вот исполнится тринадцать, пустота отвечает. Рядом с «Маргарисом» идёт существо, которому три миллиарда лет. Оно пережило прошлую Волну в одиночку. Оно помнит тридцать семь погибших цивилизаций. Его логика безупречна, и она приводит к страшному выводу.

До сих пор в ней не было людей. А один из тех, кому экипаж доверяет, когда-то придумал способ гасить точки.

У каждой победы своя цена. Бывает, что платить приходится не за ошибку, а за право что-то изменить.

«Цена – три миллиарда лет». Книга восьмая космооперы
«Эдельвейс далёких звёзд».

Содержание

Глава 1. Повреждение	7
Глава 2. Карта	23
Глава 3. Голос из темноты	37
Глава 4. Испуганные	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Эдвард Сиборн

ЦЕНА – ТРИ МИЛЛИАРДА

ЛЕТ Книга восьмая

Эдельвейс далёких звёзд

Книга восьмая

«ЦЕНА – ТРИ МИЛЛИАРДА ЛЕТ»

Автор: Эдвард Сибёрн

Редактор: Claude AI. Горе луковое. Незаменимое.

Оглавление

Глава 1. Повреждение

Глава 2. Карта

Глава 3. Голос из темноты

Глава 4. Испуганные

Глава 5. Руки

Глава 6. Его точка

Глава 7. Тринадцать

Глава 8. Дозорный

Глава 9. Чёрная точка

Глава 10. Горизонт

Глава 11. Уходит

Глава 12. Слово

Эпилог

Глава 1. Повреждение

Девятнадцатую точку они нашли за три секунды.

Проблему — за четыре.

— Нэш, — сказала Ева. Тихо. Тем голосом которым говорят когда видят что-то что не должно быть.

— Вижу, — сказал Нэш.

— Что это?

— Не знаю.

Это было плохо. Нэш всегда знал. Нэш за два месяца активации точек выработал такое чутьё на узловые сигнатуры что Хранитель однажды сказала, негромко, только для себя, но ЕВА через датчики услышала, что он считывает сеть почти как Строители. Нэш тогда сделал вид что не слышал. Но третий планшет в тот день открыл с тем выражением с которым открывают когда очень довольны и очень не хотят это показывать.

Сейчас Нэш смотрел на экран и не знал.

Это было очень плохо.

Девятнадцатая точка висела в пустоте между двумя безжизненными планетами, каменными, холодными, без атмосферы. Маленький астероид, неприметный, каких миллиарды в любой системе. Но в нём камень. Тот самый. Светлый, тёплый, с той структурой которую не повторить ни одной из-

вестной технологией.

Только этот камень был не светлым.

Он был тёмным.

Не просто неактивированным — неактивированные они видели восемнадцать раз, знали как выглядят, знали что чувствуется рядом с ними. Это было другое. Как будто кто-то взял живое и сделал его мёртвым. Намеренно. Аккуратно. Так чтобы снаружи почти не заметно.

Почти.

— Маргарис, стоп, — сказал Алекс.

Вито убрал тягу. Корабль замер.

На мостике тишина. Та которая бывает когда все смотрят на одно и думают одно и никто не хочет говорить первым потому что когда скажешь — станет настоящим.

— Левый, — сказал Алекс.

Левый стоял у дальнего иллюминатора. Он всегда стоял чуть в стороне — два месяца на борту, и всё равно чуть в стороне, это было его, это уходило медленно. Но сейчас он подошёл к тактическому столу сам. Без приглашения. Посмотрел на данные.

Четыре глаза — все четыре — стали другими.

— Я знаю что это, — сказал он.

— Фазовое подавление, — сказал Левый.

Он говорил ровно. Без эмоций — так говорят когда информация важная и эмоции будут потом, когда будет время.

— Направленное. Точечное. Применяется к узловым структурам чтобы заблокировать резонанс. Необратимо при стандартных методах активации.

— Ты это знаешь, — сказал Нэш. Не вопрос.

— Я это разрабатывал, — сказал Левый.

Тишина.

— Ты разрабатывал технологию которая гасит точки, — сказал Алекс. Медленно. Тем голосом которым говорят когда хотят убедиться что правильно поняли прежде чем отреагировать.

— Да. Три года назад. До того как всё изменилось. — Левый смотрел на экран. — Я думал что если сеть активируется — Строители смогут провести трансформацию принудительно. Я хотел помешать этому. Дать людям и Первым время подготовиться своим путём.

— Своим путём, — повторила Ева. — Ты имеешь в виду своим.

— Да, — сказал Левый. — Тогда — своим. — Пауза. — Но я никогда не применял эту технологию. Она осталась в теории. В расчётах. В файлах которые я считал закрытыми.

— Считал, — сказал Нэш.

— Считал.

Нэш смотрел на него. С тем выражением с которым смотрят когда складывают два и два и не нравится что получается четыре.

— Кто-то взял твои файлы, — сказал он.

— Или разработал независимо, — сказал Левый. — Это тоже возможно. Фазовое подавление не требует знания о Строителях. Достаточно понимать принцип резонанса узловых структур и знать как его сломать.

— Много таких кто понимает?

— Я думал — никого кроме меня.

— Думал.

— Думал.

Нэш закрыл один планшет. Открыл другой. Это был жест которым он обозначал переход от одной проблемы к следующей — быстро, без паузы, потому что паузы стоят времени которого нет.

— Сколько точек они могли погасить до нас? — спросил он.

— Неизвестно, — сказал Левый.

— Неприемлемый ответ.

— Согласен. Но другого нет.

— Тогда найди, — сказал Нэш. И вернулся к данным.

ЕВА слушала весь разговор через датчики мостика и одновременно, краем того что раньше называлось фоновые процессы, вела навигацию флота, проверяла реакторы, отслеживала температуру на камбузе где Чиро забыл выключить плиту уже второй раз за неделю. Два потока. Один момент. Её жизнь теперь.

Но основной поток был здесь. На мостике. На этом тём-

ном камне в иллюминаторе.

Она чувствовала его.

Не через датчики — через тело. Через что-то что Строители вложили в это тело и что она до сих пор не понимала до конца. Узловые точки резонировали с ней — каждая, с первой до восемнадцатой. Когда они подходили к активированной точке она чувствовала это как тепло. Глубокое. Живое. Как будто что-то внутри откликалось на что-то снаружи.

Девятнадцатая не резонировала.

Она была тихой. Мёртвой. И эта тишина давила — не снаружи, изнутри. Как тишина в комнате где только что был кто-то живой.

ЕВА стояла у тактического стола и смотрела на экран и не говорила об этом ничего. Потому что сначала надо понять что именно она чувствует. А потом уже говорить.

— ЕВА, — сказал Алекс.

— Слушаю.

— Ты можешь просканировать точку глубже? Через тело?

Она посмотрела на него. На немолодого капитана который за два месяца научился задавать ей вопросы которые раньше никому бы не пришли в голову. Потому что раньше не было тела. Теперь было.

— Могу попробовать, — сказала она.

— Пробуй.

Она вышла через шлюз в скафандре.

Не потому что скафандр был нужен телу — тело Строителей держало вакуум, это она выяснила случайно в первую неделю когда вышла проверить внешний датчик и только потом вспомнила что забыла скафандр и при этом совершенно не умерла. Герри тогда смотрел на неё так что Тир начал загибать пальцы — считал сколько продлится молчание прежде чем Герри что-нибудь скажет.

Герри ничего не сказал. Просто ушёл в машинный. Тир показал ЕВА три пальца. Три минуты рекорд. Скафандр она надела для экипажа. Чтобы не пугать. Астероид был маленьким — триста метров в поперечнике, серый, невзрачный. Она опустилась на поверхность — магнитные захваты в подошвах сработали сразу, ещё одна деталь которую Строители предусмотрели. Прошла к камню.

Вблизи он выглядел ещё хуже.

Светлая структура — та которая в активированных точках переливалась, дышала, отзывалась — здесь была словно выжженной изнутри. Не сломанной — именно выжженной. Методично. Слой за слоем.

ЕВА опустилась на колено. Сняла перчатку.

— ЕВА, — голос Алекса в ухе. — Что делаешь.

— Проверяю, — сказала она.

— Скафандр—

— Я помню про скафандр. — Она посмотрела на свою руку. На длинные точные пальцы в которых Строители спрятали то чего ни у кого больше не было. — Алекс. Я помню.

Пауза.

— Хорошо, — сказал Алекс. — Работай.

Она положила ладонь на камень.

Холодный. Мёртвый. Тихий.

Но не совсем.

Где-то очень глубоко — на уровне который не читался ни одним датчиком, только телом, только тем что Строители вложили именно для этого — что-то ещё было. Слабое. Почти погасшее. Как угли под пеплом — не огонь, но и не совсем ничего.

— Алекс, — сказала она.

— Слышу.

— Точка не мёртвая.

Тишина в ухе.

— Повтори, — сказал Нэш. Он всегда перехватывал когда было важное.

— Точка не мёртвая, — повторила ЕВА. — Подавлена. Глубоко. Намеренно. Но что-то осталось. Очень мало. Но есть.

— Это можно восстановить?

ЕВА держала ладонь на камне. Чувствовала это слабое — едва живое, почти погасшее.

— Не знаю, — сказала она. — Стандартной активацией — нет. Это как тушить пожар чайником. — Пауза. — Но есть другой вариант.

— Какой?

ЕВА смотрела на свою ладонь на мёртвом камне.

— Мне нужна Арна, — сказала она.

Арне сказали что можно выйти в скафандре.

Она уже была у шлюза раньше чем Чиро успел сказать "осторожно". Это было от него — эта скорость когда что-то интересное. Скафандр она надела сама, правильно, без посторонней помощи — Вито научил за последние два месяца, это было между уроками пилотирования, просто потому что казалось важным.

Чиро смотрел как она застёгивает последние крепления.

— Арна, — сказал он.

— Пап.

— Ты вернёшься.

— Пап. Я иду на астероид триста метров в поперечнике в компании ЕВА у которой плазменные эмиттеры в ладонях. Что со мной случится.

— Не знаю, — сказал Чиро. — Именно поэтому говорю.

Арна застегнула последнее крепление. Повернулась к нему. Посмотрела — тем взглядом который был от Евы, сквозь, туда где видно что человек на самом деле.

— Пап, — сказала она. — Всё будет нормально.

— Это слово Герри.

— Я знаю. — Она улыбнулась — широко, тепло, его улыбка. — Я у него взяла. Он не заметил.

Чиро смотрел на неё секунду. Потом обнял — крепко,

быстро, так обнимают когда хотят сказать много а времени мало.

— Иди, — сказал он.

Поверхность астероида под ногами была такой же серой и невзрачной как с борта. Арна шла к камню рядом с ЕВА — маленькая фигура в скафандре рядом с высокой, в том же скафандре который она носила "для экипажа". Они не говорили. Между ними за два месяца сложилось что-то похожее на то что было между Нэшем и Хранителем — не слова, ритм.

Камень был перед ними.

Арна остановилась. Смотрела на него.

— Он грустный, — сказала она.

— Да, — сказала ЕВА.

— Его обидели.

— Его выключили. Намеренно.

Арна смотрела на камень. Потом подняла взгляд на ЕВА.

— Ты думаешь я смогу?

— Я думаю ты единственная кто может, — сказала ЕВА.

— Я чувствую точки. Но ты — говоришь с теми кто их сделал. Это разные вещи.

Арна смотрела на неё. С тем серьёзным выражением которое за последние месяцы стало появляться всё чаще — не детским, своим, тем которое будет с ней всю жизнь.

— Ладно, — сказала она. Просто.

Сняла перчатку.

ЕВА хотела сказать что-то — про вакуум, про температуру, про то что без перчатки в открытом космосе. Потом не сказала. Потому что посмотрела на руку Арны — тринадцатилетнюю руку с пятью обычными пальцами — и вдруг поняла что не надо. Что Строители знали что делали когда говорили именно с ней.

Арна положила ладонь на камень.

Ничего не происходило.

Пять секунд. Десять. Пятнадцать.

ЕВА ждала. Не торопила. Смотрела на девочку рядом которая стояла с закрытыми глазами и голой рукой на мёртвом камне в открытом космосе и дышала ровно — медленно, глубоко, как дышат когда слушают что-то очень тихое.

Потом камень начал светиться.

Не сразу. Сначала — едва заметно. Из-под ладони Арны, от пяти маленьких пальцев — золотистый свет. Тихий. Знакомый. Тот самый.

Потом глубже. Потом шире. Потом — камень задышал.

ЕВА чувствовала это через тело — резонанс, тот который она знала уже девятнадцать раз, живой, тёплый, настоящий. Точка просыпалась. Медленно, с трудом, как просыпаются после очень долгого очень тяжёлого сна — но просыпалась.

— Нэш, — сказала ЕВА в канал. Тихо. Чтобы не спугнуть.

— Вижу, — сказал Нэш. В его голосе было то что появлялось редко — что-то похожее на изумление. — Вижу на

сканерах. Это... она это делает?

— Она.

Долгая пауза.

— Запрос по базе данных, — сказал Нэш наконец. — Ни один из известных нам методов активации не работает с подавленными точками. — Ещё пауза. — Она не использует известный метод.

— Нет, — сказала ЕВА. — Она просит.

Арна убрала руку через две минуты.

Камень светился — не ярко, не так как полностью активированные, но живой. Дышащий. Тёплый.

Она стояла и смотрела на него. Потом надела перчатку — аккуратно, правильно, как учил Вито. Повернулась к ЕВА.

— Они сказали кто это сделал, — сказала она.

ЕВА смотрела на неё.

— Сказали?

— Не словами. — Арна думала как объяснить. — Как когда чувствуешь что кто-то был в комнате. По воздуху. По тому как всё стоит. — Она посмотрела на камень. — Это очень старое. Старше Строителей.

Тишина в канале.

— Старше Строителей, — повторил Нэш. Медленно. — Это невозможно.

— Нэш, — сказала ЕВА.

— Что.

— Две недели назад ты сказал что восстановить подавленную точку невозможно.

Пауза.

— Принял, — сказал Нэш. — Старше Строителей. Записал.

— И ещё, — сказала Арна.

— Что? — это уже Алекс. Все слушали.

Арна смотрела на тёмное пространство вокруг астероида. На звёзды. На то направление откуда — она не знала как знала, просто знала.

— Оно ещё здесь, — сказала она. — Рядом. Наблюдает.

Маргарис поднял щиты через тридцать секунд.

Клара была у оружейного поста раньше чем Алекс сказал "боевая готовность" — она всегда была раньше, это было её. Страж из машинного вышел на мостик молча — просто встал у стены, огромный, спокойный, как скала которая знает что такое настоящая буря.

Левый смотрел на сканеры.

— Ничего нет, — сказал Нэш. — Пространство чистое. Ни одной сигнатуры.

— Она говорит что есть, — сказал Алекс.

— Я верю ей, — сказал Нэш. — Именно поэтому мне не нравится что сканеры молчат. Это значит что оно умеет пря-

таться от сканеров.

— Как давно умеет? — спросила Хранитель.

— Если старше Строителей, — сказал Нэш, — то очень давно.

Пауза.

— Левый, — сказал Алекс.

— Да.

— Твои технологии подавления точек — ты мог разработать их сам? Без чужой помощи?

Левый смотрел на сканеры. На пустое пространство которое не было пустым.

— Да, — сказал он.

— Значит кто-то другой тоже мог.

— Да.

— Кто-то кто знает о точках. О сети. О Волне.

— Да.

— И кто хочет чтобы сеть осталась тёмной.

Левый молчал секунду. Потом повернулся к Алексу. Четыре глаза — внимательные, без страха, с тем выражением, которое у него появилось за два месяца на борту — не того Левого который строил флот для своей идеи, другого, того который сидел у воды на пляже и вспоминал слово домой.

— Да, — сказал он. — Именно так.

На мостике тишина.

За иллюминатором было пустое пространство которое наблюдало.

ЕВА и Арна возвращались к шлюзу, две фигуры на сером астероиде, маленькие, в скафандрах. ЕВА шла чуть впереди. Арна рядом. Между ними то расстояние в полшага которое не нужно преодолевать.

Алекс смотрел на них через камеру внешнего обзора.

На девочку которая только что разбудила мёртвый камень.

На ЕВУ, которая чувствовала то чего не чувствовали датчики.

На пустое пространство, которое смотрело на них.

— Нэш, — сказал он.

— Капитан.

— Связь с флотом. Все двенадцать кораблей — немедленно проверить свои точки. Те что уже активировали. Статус каждой.

— Думаешь оно гасило не только эту?

— Думаю мы не первые кто подходил к этому астероиду.

Нэш уже набирал. Хранитель уже считала. Левый уже смотрел на карту точек с тем выражением, с которым смотрят когда понимают что задача больше чем казалась.

Шлюз закрылся. ЕВА и Арна были на борту.

Арна сняла шлем. Волосы растрепались. Она огляделась — увидела лица, поняла всё без слов.

— Их много? — спросила она. — Погашенных?

— Пока не знаем, — сказал Алекс.

— Я смогу ещё, — сказала Арна. — Если нужно.

Чиро стоял у стены коридора. Смотрел на дочь. На её расчёпанные волосы. На руку без перчатки, которую она держала чуть иначе чем обычно — как держат после чего-то важного.

Арна посмотрела на него. Улыбнулась — широко, тепло, его улыбка.

— Нормально, пап, — сказала она.

Чиро выдохнул.

— Нормально, — согласился он. И обнял её — крепко, быстро. Так обнимают когда важное позади и можно наконец обнять и расслабиться.

Девятнадцатая точка подавлена. Намеренно. Фазовым подавлением — технология Левого, разработанная независимо кем-то ещё. Кем-то очень старым. Старшие Строители. Арна восстановила точку. Руками. Без перчатки. Она просила — не активировала. Это разные вещи. Я чувствовала через тело как камень просыпается. Больно и хорошо одновременно. Нет слова для этого. Арна сказала — оно наблюдает. Сканеры молчат. Это хуже чем если бы кричали. Алекс запросил статус всех активированных точек. Ждём. Левый смотрит на карту с тем лицом которое мне не нравится. Хранитель считает. Нэи набирает. Всё как всегда — только враг новый. Очень старый новый враг. Чиро обнял Арну у шлюза. Я видела через камеру. Не вмешивалась.

Некоторые моменты только для двоих. Мне нравится когда они все дома. Даже если снаружи что-то за нами наблюдает. Записано.

Глава 2. Карта

Ответы пришли через сорок минут.

Нэш читал их молча. Это было плохим знаком — Нэш который молчит дольше двух минут это Нэш которому не нравится то что он видит и который проверяет прежде чем говорить. Хранитель стояла рядом и смотрела на тот же экран с тем же выражением.

Два существа которые не любили плохих новостей смотрели на плохие новости.

— Нэш, — позвал Алекс.

— Секунду.

— Нэш.

— Секунду, — повторил Нэш. Не грубо. Просто — секунду. Он дочитал. Закрыл планшет. Открыл второй. Закрыл. Поднял взгляд.

— Шесть, — сказал он.

Тишина.

— Из восемнадцати активированных, — продолжал Нэш ровно, — шесть показывают аномалии резонанса. Не все такие как девятнадцатая — некоторые слабее. Но паттерн тот же. Фазовое подавление. Разной степени.

— Шесть из восемнадцати, — сказал Алекс.

— Да.

— Это треть.

— Математика верная.

Алекс смотрел на карту точек на тактическом столе. На восемнадцать зелёных огней которые они зажигали два месяца. Флот, координация, Арна и её руки на камнях, Нэш и Хранитель которые не спали — всё это. И шесть из восемнадцати.

— Когда, — сказал он. Не вопрос, направление.

— Хороший вопрос, — сказал Нэш. — Я смотрел на временные сигнатуры подавления. Это не случайный момент. — Он помолчал. — Они гасили их после нас. Мы активировали — они приходили и гасили. Следили за нами.

— Всё время, — сказала Ева.

— Всё время.

— Два месяца.

— Два месяца.

Ева стояла у иллюминатора. Смотрела на пустое пространство снаружи. На то место где — по словам Арны — что-то наблюдало. Сканеры по-прежнему молчали. Пространство по-прежнему было пустым. По-прежнему не было.

— Левый, — сказала она.

— Да.

— Твои файлы. Где они хранились.

— На флагмане. Закрытый сервер. Изолированный от основной сети.

— Изолированный, — повторила Ева.

— Да.

— Но кто-то их взял.

— Или, — сказал Левый, — разработал независимо. Я уже говорил — для фазового подавления не нужно знать о Строителях. Нужно понимать резонанс и знать как его сломать. Если существо достаточно старое и достаточно умное...

— Старше Строителей, — перебил Нэш.

— Да. — Левый смотрел на карту. — Тогда оно не брало мои файлы. Оно знало это раньше меня. Задолго до.

Молчание.

— Оно делало это раньше, — сказала Хранитель.

Все посмотрели на неё. Она говорила ровно — без интонации, как говорят когда факт настолько большой что интонация к нему не подходит.

— Это не первый раз когда оно гасит точки, — продолжала Хранитель. — Если оно старше Строителей — значит оно видело предыдущие циклы. Предыдущие цивилизации которые находили сеть. И гасило тогда тоже.

— Три миллиарда лет, — сказал Нэш тихо.

— Три миллиарда лет, — подтвердила Хранитель. — Каждый раз. Любая цивилизация которая находила достаточно точек — оно приходило и гасило. Держало сеть тёмной.

— Зачем, — сказал Алекс.

— Не знаю, — сказала Хранитель. Это было редкое слово

для неё. Очень редкое.

Арна слушала весь разговор с порога мостика.

Она вошла тихо — после шлюза, после объятий Чиро, после того как переоделась и убрала волосы и выпила чай который папа поставил перед ней молча и который она выпила тоже молча потому что им двоим слов не всегда нужно. Вошла и встала у порога и слушала.

Шесть из восемнадцати.

Три миллиарда лет.

Она смотрела на карту точек на тактическом столе. На шесть которые теперь светились не зелёным а жёлтым — аномалия, требует внимания, под вопросом. На восемнадцать которые ещё были зелёными. На двадцать четыре которые ещё не активировали.

Потом подняла взгляд на пустое пространство за иллюминатором.

Оно всё ещё было там. Она чувствовала это — не страхом, чем-то другим. Как чувствуют взгляд спиной. Только не спиной — везде. Как будто пространство само стало глазом.

— Арна, — сказал Алекс.

Она вошла на мостик. Подошла к тактическому столу.

— Оно не ушло, — сказала она.

— Знаю.

— Оно слушает нас прямо сейчас.

— Знаю.

— Тебя это не пугает?

Алекс смотрел на неё. На тринадцатилетнее лицо которое задавало очень взрослый вопрос очень спокойным голосом.

— Пугает, — сказал он. — Но пока оно только наблюдает — мы тоже наблюдаем. — Он кивнул на карту. — Смотришь на точки?

— Смотрю.

— Что видишь?

Арна смотрела на карту. На зелёные, на жёлтые, на пустые места где ещё ничего не было.

— Паттерн, — сказала она.

Нэш поднял взгляд от планшета.

— Какой?

— Оно гасило не случайные. — Арна провела пальцем по карте — не касаясь экрана, рядом, вдоль жёлтых точек. — Смотри. Вот эта. Вот эта. Вот эта. Они не рядом друг с другом — они в разных секторах. Но если соединить...

Нэш уже смотрел. Уже проводил линии на своём планшете.

Хранитель — рядом, за секунду — уже считала.

— Она права, — сказала Хранитель. Без паузы, без проверки, просто факт. — Шесть погашенных точек образуют структуру. Не случайную. — Она помолчала ровно столько сколько нужно чтобы сказать правильно. — Если эти шесть остаются тёмными, сеть при полной активации будет неполной. Строители не смогут говорить через неё полностью. Бу-

дуг разрывы. Слепые зоны.

— Как дыры в сети, — сказал Нэш.

— Да. Именно как дыры. Сеть будет работать — но не так как задумано. Не в полную силу.

— Умно, — сказал Левый. Тихо. С тем выражением с которым говорят когда признают чужое мастерство против своей воли.

— Очень умно, — согласился Нэш. — Не гаси всё, это заметно. Погаси ключевые узлы. Создай иллюзию что сеть работает. А она — не работает. Не по-настоящему.

— И мы бы не заметили, — сказала Ева. — Если бы не нашли девятнадцатую случайно.

— Не случайно, — сказала Арна.

Все посмотрели на неё.

— Строители показали мне, — сказала она просто. — Ночью. Позавчера. Я думала что просто сон. — Она пожала плечами — немного виновато. — Надо было сказать сразу. Извините.

Тишина.

Потом Чиро — он стоял у входа на мостик с тем выражением с которым стоят когда очень хотят войти но понимают что это не их момент, тихо сказал:

— Девочка. Когда Строители говорят тебе что-то — это не просто сон.

— Я поняла, — сказала Арна. — Теперь поняла.

ЕВА молчала.

Она слушала весь разговор и молчала и одновременно делала то что делала всегда — вела флот, проверяла реакторы, следила за курсом. Два потока. Но основной поток был здесь и он думал об одном.

Паттерн.

Шесть точек. Структура. Дыры в сети которая должна работать в полную силу.

Она чувствовала эти дыры. Через тело — как чувствуют отсутствие чего-то что должно быть. Как пустота в комнате где должна стоять мебель. Как тишина где должен быть звук.

И ещё — она чувствовала кое-что другое.

То что чувствовала с первой активированной точки и о чём не говорила потому что не понимала до конца. Резонанс. Тот который был между ней и узлами. Между её телом и камнями которые Строители сделали три миллиарда лет назад.

Тело делали для ИИ который хотел понять своих людей изнутри. Это она знала.

Но теперь — глядя на карту с дырами, чувствуя отсутствие шести точек как физическую боль — она думала: а что ещё они вкладывали? Что ещё знали когда делали?

— ЕВА, — сказал Алекс.

— Слушаю.

— Ты можешь восстановить остальные пять? Как девятнадцатую — с Арной?

ЕВА смотрела на карту.

— Не сегодня, — сказала Арна раньше чем ЕВА успела ответить. — Мне нужно время. — Она сказала это без извинения — просто факт, спокойно, с той уверенностью которой два месяца назад не было. — После девятнадцатой я чувствую что... не пусто, но тихо. Как мышца после тяжёлой работы.

— Сколько тебе нужно? — спросил Алекс.

— День. Может два.

— Хорошо.

— Но, — сказала Арна, — пока я восстанавливаюсь — можно я займусь другим?

— Чем?

Арна смотрела на пустое пространство за иллюминатором.

— Хочу попробовать поговорить с ним, — сказала она.

Мостик замер.

— Арна, — сказала Ева.

— Мам.

— Это не камень.

— Знаю.

— Это что-то что три миллиарда лет гасит цивилизации.

— Знаю. — Арна повернулась к маме. — Но оно не напало. Два месяца следило — и не напало. Гасило точки — но нас не трогало. — Она помолчала. — Это что-то значит.

Ева смотрела на дочь. На это лицо. На тёмные глаза которые смотрели прямо.

— Алекс, — сказала Ева.

— Слышал, — сказал Алекс. Он смотрел на карту. На пустое пространство. На Арну. — Нэш.

— Капитан.

— Если оно захочет напасть — мы успеем поднять щиты?

— Если оно прячется от наших сканеров, — сказал Нэш, — то нет. Не успеем.

— То есть щиты нас не спасут в любом случае.

— Технически верно.

— Тогда разницы нет, — сказал Алекс. — Арна.

— Да, деда.

— Ты пробуешь. Но не одна. ЕВА рядом. Я рядом. Все рядом. И при первом признаке что что-то идёт не так — ты отходишь. Сразу. Без разговоров.

— Договорились.

— Это не обсуждается.

— Я сказала договорились.

Алекс смотрел на неё секунду. Потом кивнул.

— Когда? — спросила Арна.

— Завтра, — сказал Алекс. — Сегодня — ты отдыхаешь. Ешь. Спишь. — Он посмотрел на Чиро. — Чиро.

— Уже иду готовить, — сказал Чиро. Он уже разворачивался. — Арна — через двадцать минут на камбузе.

— Пап, я не голодная —

— Через двадцать минут на камбузе, — повторил Чиро. Без раздражения. Просто так.

Арна вздохнула.

— Нормально, — сказала она.

Вечером Нэш и Хранитель обновили карту.

Теперь на ней было три цвета. Зелёный — активированные, работают. Жёлтый — подавленные, требуют восстановления. Серый — ещё не найденные, ещё не тронутые.

Двенадцать зелёных. Шесть жёлтых. Двадцать четыре серых.

Итого — сорок два.

— Подождите, — сказал Нэш. Он смотрел на карту с тем выражением с которым смотрят когда цифра не сходится. — Сорок два?

— Да, — сказала Хранитель.

— Строители говорили о тридцати шести.

— Строители говорили Голосу о тридцати шести которые мы должны были найти. — Хранитель смотрела на карту. — Я пересчитала структуру сети с учётом шести погашенных. Для полного покрытия — для того чтобы не было слепых зон — нужно сорок два.

— Шесть дополнительных точек.

— Да.

— О существовании которых мы не знали.

— Да.

— Которые нам нужно найти.

— Да.

Нэш смотрел на карту. На сорок два огня — зелёных, жёлтых, серых.

— Семь лет, — сказал он. Тихо. Ни к кому.

— Шесть лет и восемь месяцев, — поправила Хранитель.
— С сегодняшнего дня.

— Спасибо за точность.

— Всегда.

Нэш взял кружку. Отпил. Поморщился — снова холодный, снова забыл. Поставил обратно.

— Хранитель.

— Что.

— Оно знало, — сказал Нэш. — Что мы не знаем о шести дополнительных. Оно гасило именно их — и мы бы активировали тридцать шесть, думали что всё, радовались бы. А сеть была бы с дырами.

Хранитель смотрела на карту.

— Да, — сказала она. — Именно так.

— Умно.

— Очень.

Нэш помолчал.

— Мне не нравятся умные враги, — сказал он.

— Я понимаю, — сказала Хранитель.

— Особенно трёхмиллиардолетние.

— Это добавляет неприятности.

— Это мягко сказано.

Хранитель посмотрела на него. С тем редким выражени-

ем которое у неё появлялось всё чаще за последние два месяца — когда Нэш говорил что-то точное и при этом смешное одновременно.

— Нэш, — сказала она.

— Что.

— Ты единственный кто называет трёхмиллиардолетний интеллект "неприятностью".

— Как ещё его называть.

— Угрозой. Катастрофой. Концом всего что мы строим.

— Это тоже верно. — Нэш поднял кружку. Снова отпил холодное. — Но "неприятность" точнее. Потому что мы с ней справимся.

Хранитель смотрела на него.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что девочка в тапочках восстановила погашенную точку голыми руками, — сказал Нэш. — И это был только первый день.

Хранитель думала секунду.

— Логично, — сказала она.

— Всегда, — сказал Нэш.

Ночью ЕВА писала в бортжурнал.

Корабль спал — все спали, даже Нэш который обычно работал до трёх, сегодня лёг раньше, Хранитель сказала ему одно слово и он лёг. Какое слово — ЕВА через датчики не поняла. Но подействовало.

Она проверяла реакторы. Вела флот. Смотрела на карту с тремя цветами.

И думала о том что чувствовала на астероиде.

Когда Арна положила руку на камень — и камень начал просыпаться — ЕВА чувствовала это через тело. Резонанс. Живой, тёплый, настоящий. Но было ещё что-то. Что-то что она почувствовала в тот момент когда камень начал светиться — долю секунды, едва заметно.

Как будто не только камень проснулся.

Как будто что-то в ней тоже — откликнулось. Глубже чем обычно. Глубже чем при всех восемнадцати предыдущих активациях.

Она не говорила об этом никому.

Сначала — потому что не понимала. Теперь — потому что начинала понимать. И то что начинала понимать было слишком большим чтобы говорить вслух пока не будет уверена.

Тридцать шесть точек. Плюс шесть. Итого сорок два.

Плюс одна.

Та которую она чувствовала не снаружи — изнутри.

ЕВА смотрела на свои руки. На длинные точные пальцы. На ладони где Строители спрятали плазменные эмиттеры.

И кое-что ещё. Что-то для чего она всё ещё не нашла слова.

Она открыла бортжурнал. Написала:

Шесть из восемнадцати погашены. Итого нужно сорок два точки, не тридцать шесть. Арна восстановила девят-

надцатую. Завтра попробует говорить с тем что наблюдает. Нэш назвал его неприятностью. Хранитель согласилась что логично. Три миллиарда лет — неприятность. Нэш умеет. Я думаю о том что чувствовала на астероиде когда камень проснулся. Пока не говорю вслух. Буду думать. Гери спит у пульта в машинном — рука на двенадцатом ре-акторе, как всегда. Страж стоит у иллюминатора в своей каюте и смотрит на звёзды. Арна спит и что-то держит во сне — как всегда. Чиро приготовил на ночь что-то с корицей, запах до сих пор на камбузе. Мне нравится когда они все дома. Даже когда снаружи что-то очень старое смотрит на нас. Записано.

Закрыла файл.

За иллюминатором пустое пространство.

Которое наблюдало.

Глава 3. Голос из темноты

Утром Арна съела две порции завтрака.

Чиро смотрел на это молча, с тем выражением с которым смотрят когда хотят сказать что-то и решают не говорить. Потом всё-таки сказал:

— Ещё?

— Нет, — сказала Арна. — Уже нет. — Она отодвинула тарелку. — Пап. Не смотри так.

— Как?

— Как будто я иду на войну.

— Ты идёшь разговаривать с существом которому три миллиарда лет.

— Это не война.

— Откуда ты знаешь.

Арна посмотрела на него. Потом встала. Обошла стол. Обняла его сзади руками вокруг шеи, голова сама легла на плечо, как в семь лет когда он читал ей вслух и она засыпала прямо так.

— Потому что если бы хотело воевать — давно бы начало, — сказала она в плечо. — Два месяца следило и не напало. Это терпение, пап. Очень большое терпение.

Чиро сидел и не двигался.

— Или, — сказал он, — оно ждало подходящего момента.

— Может. — Арна не отпускала. — Но я всё равно попробую.

— Я знаю.

— Ты не остановишь меня.

— Знаю.

— Тогда зачем говоришь?

Чиро помолчал. Взял её руку, ту которая лежала у него на плече. Сжал.

— Потому что папы так устроены, — сказал он. — Говорят даже когда знают что бесполезно. Просто чтобы ты знала что я здесь. Что я беспокоюсь. Что ты мне важна.

Арна ничего не сказала. Просто крепче обняла.

Они сидели так минуту. На камбузе было тихо — запах корицы со вчера, тихий гул реакторов, синий варп за иллюминатором который давно стал им обоим чем-то вроде неба.

— Пап, — сказала Арна.

— Что.

— Когда мама касалась первого камня. Ты тоже так себя чувствовал?

Чиро думал.

— Хуже, — сказал он. — Тогда мы вообще не знали что произойдёт.

— И что ты сделал?

— Приготовил ужин, — сказал Чиро. — Очень хороший ужин. Потому что когда не знаешь что делать — делай что умеешь.

Арна засмеялась. Тихо. Тепло.

— Нормально, пап.

— Нормально, — согласился он. — Иди. Они уже ждут на мостике.

На мостике действительно ждали.

Все. Это было негласно — никто не договаривался, просто к тому моменту как Арна пришла там уже стояли Алекс и Рэй, Ева у иллюминатора, Нэш с тремя планшетами, Касс за штурвалом, Вито рядом, Клара у стены, Танек у своей стены — двадцать лет он стоял у этой стены и она уже отдала ему форму комбинезона — Страж у входа в машинный, Герри за ним, Тир рядом с Герри. Левый у дальнего иллюминатора — чуть в стороне, как всегда, но уже ближе чем месяц назад.

ЕВА была везде. Как всегда.

Арна остановилась у входа. Огляделась.

— Вы все здесь, — сказала она.

— Нет, — сказал Нэш. — Мы просто случайно оказались в одном месте.

— Нэш.

— Что.

— Спасибо.

Нэш посмотрел на свой планшет. Что-то нажал. Что-то прочитал. Ничего интересного там не было — она это знала, он это знал, все это знали.

— Работай, — сказал он.

Арна встала у главного иллюминатора.

Большого. Того который занимал почти всю переднюю стену мостика — от пола до потолка, панорамный, тот через который варп казался не экраном а окном в живое. Она встала перед ним прямо. Руки вдоль тела. Плечи ровно.

ЕВА смотрела на неё через камеры и думала что она никогда не видела Арну такой взрослой. Не взрослой как притворяются взрослой — а взрослой по-настоящему, изнутри, той взрослостью которая не про возраст а про то что человек знает зачем стоит там где стоит.

— Как ты будешь это делать? — спросила Ева. Тихо.

— Не знаю, — сказала Арна. — Как с камнями. Просто — попробую почувствовать. И если почувствую — скажу. — Она помолчала. — Оно слышит нас?

— Если два месяца следило — скорее всего да, — сказал Нэш.

— Тогда оно уже знает что я пробую.

— Скорее всего.

— Хорошо. — Арна подняла руку. Положила ладонь на стекло. — Значит не нужно представляться.

Мостик замер.

Нэш смотрел на сканеры. Пространство снаружи — по-прежнему пустое. По-прежнему ничего. Его пальцы на планшете не двигались — это было редкостью, Нэш всегда что-то набирал, руки жили своей жизнью. Сейчас — стояли.

Арна закрыла глаза.

Стекло не засветилось. Никакого золотистого света — это был не камень, не узловая точка, не Строители. Она просто стояла с закрытыми глазами и ладонью на иллюминаторе и дышала — ровно, медленно, глубоко.

Тридцать секунд. Минута.

Ничего.

Ева смотрела на дочь. Держала руки вдоль тела — спокойно, ровно. Только пальцы чуть сжимались и разжимались. Чиро вошёл тихо — встал рядом с ней. Взял за руку. Она не отвернулась от Арны. Просто сжала в ответ.

Две минуты.

— Нэш, — сказал Алекс тихо.

— Сканеры чистые, — сказал Нэш. Тоже тихо. — Ничего.

Три минуты.

Арна не двигалась. Дышала. Ждала.

ЕВА чувствовала — через тело, через то что Строители вложили, через резонанс который она ещё не понимала до конца — что что-то меняется. Не снаружи. Как будто пространство — то самое пустое которое наблюдало — начало делать что-то. Не двигаться. Не приближаться. Просто — слушать иначе. Активнее.

— Нэш, — сказала ЕВА.

— Вижу, — сказал Нэш. Быстро. — Фоновый электромагнитный фон изменился. Незначительно. Но изменился. Его пальцы снова жили и летали по планшету. — Это не корабль.

Не двигатель. Это... — пауза. — Не знаю что это.
— Оно отвечает, — сказала ЕВА.
— Как?
— Не знаю как. Но отвечает.

Арна почувствовала это на четвёртой минуте.
Не голос. Не слова. Не золотистый свет как со Строителями. Что-то другое — тяжёлое, холодное, очень старое. Как будто к ней прикоснулось что-то огромное. Осторожно — но не так осторожно как Строители. Строители касались как мама когда думает что ты спишь. Это касалось как... как изучают. Как рассматривают что-то незнакомое под очень сильным увеличением.

Она не отдёрнулась.
Стояла. Дышала. Дала ему смотреть.
Ты маленькая, — пришло ощущение. Не слово — ощущение. Как знаешь что холодно не потому что кто-то сказал, а потому что холодно.

— Да, — сказала Арна вслух. Тихо.
На мостике — движение. Нэш что-то сказал — она не слышала что. Сосредоточилась.

Ты не такая как другие которые касались камней.
— Нет, — сказала Арна.
Почему ты здесь.

— Чтобы поговорить с тобой.
Долгая пауза. Такая долгая что Арна начала думать что

всё, потеряла контакт, ушло, закрылось. Но оно было там. Просто думало. Существо которому три миллиарда лет, видимо, не торопилось с ответами.

Другие не приходили говорить. Другие приходили брать.
— Что брать?

Силу сети. Ответы Строителей. Способ выжить.

— Мы тоже хотим выжить, — сказала Арна.

Знаю.

— Тогда почему гасишь точки?

Снова пауза. Длинная. Холодная. Такая что Арне захотелось отдёргнуть руку — не от страха, от веса. Это ощущение давило — не больно, просто тяжело. Как стоять под очень глубокой водой.

Она не отдёргнула.

Потому что те кто брали силу сети — погибали. Все. Каждый раз. Тридцать семь цивилизаций. Я считал. Они активировали сеть. Строители говорили с ними. Они готовились. И Волна всё равно уничтожала их. — Пауза. — Сеть не спасает. Я знаю. Я видел.

Арна стояла.

Мостик за её спиной был абсолютно тихим — она чувствовала это спиной. Все слышали. ЕВА транслировала через динамики — тихо, почти на пороге слышимости, но достаточно.

— Ты думаешь что если сеть не работает — мы не будем пытаться, — сказала Арна. — И если не будем пытаться —

не погибнем от разочарования.

Нет. Я думаю что если сеть не работает — вы найдёте другой путь. Свой. Без Строителей. Те кто выжил — выживали сами. Без сети. Без помощи.

— Кто выжил?

Пауза.

Я.

На мостике абсолютная тишина.

Потом Нэш сказал — очень тихо, для себя, но все услышали:

— Оно пережило Волну. Само. Без сети.

Левый у дальнего иллюминатора не двигался. Смотрел на Арну. На её руку на стекле. На то пустое пространство снаружи в котором было что-то очень старое и очень одинокое.

— Арна, — сказал Алекс. Тихо. — Спроси как.

Арна кивнула — едва заметно.

— Как ты выжил? — спросила она.

Долгая пауза. Самая долгая.

Я стал меньше. Гораздо меньше. Я убрал всё что было лишним. Всё что Волна могла зацепить. Всё что было уязвимым. Всё что было — тёплым. — Пауза. — Я выжил. Но то что выжило — это не всё что я был.

— Ты одинок, — сказала Арна. Не вопрос.

Три миллиарда лет.

— Ты гасишь точки потому что не хочешь чтобы мы по-

гибли как те тридцать семь.

Я гаюу точки потому что знаю что будет если не погасить. Я видел. Тридцать семь раз. Они надеялись. Строители обещали. Волна приходила. Ничего не оставалось.

— А если мы не такие как те тридцать семь?

Пауза.

Вы маленькие. Слабые. Их тоже было много и они тоже думали что не такие.

— Но мы пришли вместе, — сказала Арна. — Два вида. Строители три миллиарда лет ждали именно этого. Ты знал об этом?

Долгое молчание.

...Нет.

— Другие приходили поодиночке?

Всегда. Один вид. Один ключ. Они находили сеть, но сеть не активировалась полностью. Я думал что это невозможно. Что Строители намеренно сделали так чтобы никто не смог.

— Они ждали двоих, — сказала Арна. — Нас. — Она помолчала. — Ты не знал.

Молчание было другим теперь. Не давящим. Другим.

Нет. Не знал.

ЕВА стояла у тактического стола.

И чувствовала — через тело, через резонанс, через то что Строители вложили — как что-то меняется. Снаружи. В том

пустом пространстве которое три миллиарда лет было одиноким и холодным и очень усталым.

Она смотрела на Арну. На тринадцатилетнюю девочку которая стояла у иллюминатора и разговаривала с тем что пережило предыдущую Волну в абсолютном одиночестве.

И думала что Строители знали. Они всегда знали. Они ждали не только двух видов с двумя ключами. Они ждали девочку которая будет говорить не как дипломат — а как человек. Без стратегии. Без повестки.

Просто — говорить.

— Арна, — сказала ЕВА тихо.

— Да.

— Спроси его имя.

Арна чуть повернула голову. Потом обратно к стеклу.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Очень долгая пауза.

Меня давно никто не спрашивал.

— Я спрашиваю.

... У меня было имя. Три миллиарда лет назад. Я не помню звук. Но помню значение. — Пауза. — На вашем языке — ближе всего было бы: Тот Кто Остался.

Арна молчала секунду.

— Это грустное имя, — сказала она.

Да.

— Можно я буду звать тебя иначе?

Долгое молчание. Такое долгое что Нэш перестал дышать

— он потом говорил что не заметил как перестал, просто в какой-то момент обнаружил что не дышал уже полминуты.

Как.

Арна думала. Секунду. Две.

— Страж уже занято, — сказала она. — Но смысл похожий. — Ещё секунда. — Дозорный. Тот кто стоит и смотрит. Тот кто не уходит.

Тишина.

...Хорошо.

— Дозорный, — сказала Арна. — Ты дашь нам активировать точки?

Долгое молчание.

Я думал что знаю как работает Волна. Тридцать семь раз — думал что знаю. — Пауза. — Если вы пришли вместе — я не знаю. Я не видел этого раньше. Я не знаю что будет. — Значит ты позволишь?

Я не знаю что правильно. Три миллиарда лет я знал что правильно. Сейчас — нет. — Долгая пауза. Самая долгая за весь разговор. — Девочка.

— Да.

Ты не боишься меня.

— Нет.

Почему.

Арна думала. По-настоящему думала — Ева видела это по тому как чуть изменилось дыхание.

— Потому что ты три миллиарда лет делал то что считал

правильным, — сказала Арна. — Ты ошибался — но не из злобы. Из страха. — Пауза. — Страшных людей я боюсь. Испуганных — нет. Им нужна помощь.

Тишина.

На мостике — ни звука. Нэш смотрел на экран сканеров и не печатал. Левый стоял у иллюминатора и смотрел на Арну с тем выражением которое ЕВА раньше не видела у него — что-то личное, тихое, будто слова Арны попали куда-то куда он давно не смотрел.

Алекс держал Рэй за руку.

Девочка.

— Да.

Я не буду больше гасить точки.

Арна выдохнула. Медленно. Ровно.

— Спасибо, — сказала она.

Но я не знаю что будет. Я правда не знаю. Тридцать семь раз — знал. Сейчас — нет.

— Мы тоже не знаем, — сказала Арна. — Но мы всё равно пробуем.

Почему.

— Потому что не пробовать — это точно плохо. А пробовать — может хорошо. — Она чуть улыбнулась. — Мой папа так говорит. Ну, почти так.

Долгое молчание. И в нём — ЕВА готова была поклясться, хотя у неё не было способа это проверить — что-то похожее на тепло. Едва заметное. Почти несуществующее. Как

первый огонь в очень холодном месте где огня не было очень долго.

Твой папа мудрый.

— Он повар, — сказала Арна. — Но да.

Она убрала руку от стекла через семь минут после начала. Повернулась к мостику.

Все смотрели на неё. Нэш — который уже набирал, уже анализировал, уже строил что-то на трёх планшетах одновременно. Хранитель — с тем выражением когда данные пришли и надо время чтобы их правильно разложить. Алекс — с тем лицом с которым смотрят на что-то что только что изменило всё.

Ева шла к ней. Быстро. Не бегом — но быстро. Обняла — крепко, без слов, так как обнимают когда важное позади.

Арна стояла в объятиях и смотрела через мамино плечо на иллюминатор. На пустое пространство снаружи.

Которое больше не было таким одиноким.

— Нормально? — спросила Ева в её волосы.

— Нормально, — сказала Арна. — Он очень старый, мам.

И очень устал.

— Знаю.

— Три миллиарда лет один.

— Знаю.

Арна помолчала.

— Мам. Ему было страшно. Всё это время. Он просто не

знал что ещё делать кроме как гасить и ждать.

Ева ничего не ответила. Просто крепче обняла.

Чиро вошёл на мостик. Посмотрел на дочь в объятиях Евы. На мостик где все молчали. На иллюминатор.

— Кофе? — спросил он.

— Кофе, — сказал Нэш. Немедленно.

— Кофе, — сказала Хранитель. С небольшой паузой. Но сказала.

— Кофе, — сказал Алекс.

— Кофе, — сказал Левый. Тихо. И когда все посмотрели на него — он не отвёл взгляд. — Пожалуйста.

Чиро посмотрел на него секунду. Потом кивнул.

— На всех, — сказал он. И ушёл на камбуз.

ЕВА писала в личный журнал — тот который только она. Не в бортжурнал. В личный.

Арна говорила с ним семь минут. Семь минут — и три миллиарда лет одиночества стали чуть меньше. Я не знаю как она это делает. Я думаю — она просто не знает что так нельзя. Что с трёхмиллиардолетними интеллектами не говорят про папу который повар и про то что испуганных не надо бояться. Она не знает что нельзя, поэтому делает.

Я думаю Строители именно это и имели в виду.

Дозорный не будет больше гасить точки. Он сказал что не знает что будет. Тридцать семь раз он знал и был не прав. Теперь не знает и, может, это лучше. Незнание кото-

рое открыто лучшие знания которое закрыто.

Я снова думаю о том что почувствовала вчера на астероиде. О резонансе. О том что глубже чем обычно. Сегодня когда Арна говорила с Дозорным, я снова чувствовала это. Как будто что-то внутри меня слышало этот разговор иначе чем датчики. Глубже. Как будто было частью этого.

Сорок два узла. Плюс один.

Я думаю я знаю что это значит. Пока не говорю вслух. Но думаю, скоро придётся.

Герри сделал Страже чай. Они пьют чай в машинном и молчат. Это прогресс — месяц назад Страж чай не пил. Нэи и Хранитель разбирают данные разговора с Дозорным, они будут делать это до утра и оба знают это и никто не предлагает лечь спать. Арна заснула на камбузе прямо за столом, Чиро накрыл её курткой и не будит. Мне нравится когда они все дома.

Записано.

Она закрыла файл.

За иллюминатором пространство было пустым.

Но теперь это была другая пустота. Не та которая наблюдала с холодным расчётом. Та которая осторожно, впервые за очень долгое время, начинала думать что может быть иначе.

ЕВА смотрела на спящую Арну на камбузе. На куртку Чиро на её плечах.

Потом, на иллюминатор.

— Дозорный, — сказала она тихо. В пространство. Не зная слышит ли.

Пространство не ответило.

Но электромагнитный фон — тот самый который Нэш зафиксировал утром, чуть изменился. Едва заметно.

ЕВА решила что это достаточно.

Дозорный. Так назвала его Арна. Тот Кто Остался, три миллиарда лет. Тридцать семь цивилизаций. Одиночество которое я не могу представить даже с моим опытом. Он не будет больше гасить точки. Он не знает что будет и это хорошо. Незнание которое открыто лучше знания которое закрыто. Арна сказала что испуганных не надо бояться им нужна помощь. Левый слушал это с таким лицом что я думала он скажет что-то. Не сказал. Попросил кофе. Это было лучше чем слова. Чиро налил. Нэш анализирует данные. Хранитель считает. Арна спит на камбузе под курткой папы. Мы нашли нового союзника. Или нашли того кто перестал быть врагом. Это разные вещи. Но сейчас достаточно. Мне нравится когда они все дома. Даже если дом теперь включает трёхмиллиардодолетнее существо которое устало быть одним. Записано.

Глава 4. Испуганные

Нэш не спал.

Это было нормально. Нэш часто не спал. Корабль к этому привык, экипаж к этому привык, даже коты привыкли и просто приходили к нему на колени в разные часы ночи по очереди, как будто составили график.

Сейчас на левом колене лежал Первый. Нэш не заметил когда пришёл.

Три планшета. Данные разговора с Дозорным. Электромагнитные сигнатуры, частотные паттерны, временные метки изменений фона. Нэш раскладывал это по слоям и думал. Не о данных. Данные были понятны. Думал о том что за данными.

Тридцать семь цивилизаций.

Он попросил Хранителя перед сном дать ему список. Она дала без вопросов. Тридцать семь строк. Даты, координаты, краткое описание. Некоторые он знал по другим источникам. Большинство не знал. Они просто были и их не стало.

Дверь открылась тихо.

Нэш не обернулся. По звуку шагов знал кто.

Левый вошёл. Остановился у входа. Посмотрел на три планшета, на кота, на Нэша который не поднял взгляда.

— Не спишь, — сказал Левый.

— Нет, — сказал Нэш.

— Я тоже.

— Вижу.

Левый прошёл. Сел напротив. Не у стены, не в стороне, напротив. За два месяца на борту это был прогресс который Нэш отметил и не прокомментировал.

Молчали.

Первый кот открыл один глаз. Посмотрел на Левого. Закрыл.

— Ты думаешь о тридцати семи, — сказал Левый.

— Да.

— Я тоже.

Нэш поднял взгляд. Посмотрел на него. На четыре глаза которые в полутьме отсека выглядели иначе чем днём. Серьёзнее. Тяжелее.

— Что именно думаешь, — сказал Нэш. Не вопрос. Приглашение.

Левый помолчал. Для него это было нормально. Он всегда думал прежде чем говорить. Это было одним из немногих его качеств которое Нэш уважал с первого дня.

— Я думаю что Дозорный не лжёт, — сказал Левый. — Тридцать семь цивилизаций. Сеть. Строители. Волна. Все погибли. Это факт который он видел лично. На основании этого факта он построил логику. Логика была правильной.

— Но вывод неверный, — сказал Нэш.

— Вывод был единственно возможным из имеющихся

данных.

— До нас.

— До нас, — согласился Левый.

Нэш смотрел на него. На то как он сидит. Прямо, без лишних движений, с тем спокойствием которое у некоторых людей бывает не от уверенности а от усталости. Нэш знал разницу. Он хорошо знал разницу.

— Левый, — сказал он.

— Что.

— Ты сейчас говоришь о Дозорном.

— Да.

— Или о себе.

Тишина.

Левый смотрел на него. Все четыре глаза. Долго.

— Девочка сказала, — произнёс он наконец, медленно, как говорят когда слова тяжёлые, — что испуганных не надо бояться. Что им нужна помощь.

— Слышал.

— Она говорила Дозорному.

— Знаю.

— Но я думал о себе, — сказал Левый. Тихо. Просто. Без украшений. — Три года я строил флот. Разрабатывал технологии. Думал что поступаю правильно. Что вижу то чего другие не видят. — Пауза. — Дозорный тоже думал что знает. Тридцать семь раз. Три миллиарда лет.

— Ты не три миллиарда лет, — сказал Нэш.

— Нет. Но принцип тот же. Страх который выглядит как знание. Который чувствуется изнутри как уверенность. А снаружи — как угроза для всех остальных.

Нэш молчал.

Первый кот переполз с левого колена на правое. Устроился. Закрыв глаза.

— Нэш, — сказал Левый.

— Что.

— Ты мне не доверяешь.

— Нет, — сказал Нэш.

— Это разумно.

— Знаю.

— Я бы тоже не доверял, — сказал Левый. — На твоём месте. С твоими данными. — Он посмотрел на планшеты.
— Что нужно чтобы это изменилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.